

Виталий Шумило*

Служение Церкви священномученика епископа Дамаскина (Цедрика) после его хиротонии в 1923 году

Ключевые слова: еп. Дамаскин (Цедрик), митр. Антоний (Храповицкий), миссионерство, большевицкий режим, обновленчество, сергианство, Катакомбная Церковь

Keywords: Bishop Damaskin (Tsedrik), Metropolitan Anthony (Khrapovitsky), missionary work, the bolshevik regime, renovationism, sergianism, Catacomb Church

Резюме

Статья посвящена одному из самых известных архиереев гонимой Русской Церкви начала XX в. Дамаскину (Цедрику). На основе документальных материалов прослеживается его биография вплоть до мученической кончины в Карагандинском лагере (1937 г.). Автор анализирует и просветительскую, миссионерскую и исповедническую деятельность архипастыря, подробно излагает исторические обстоятельства его ареста и гонений на Церковь, жизни Катакомбной Церкви, делает выводы о положении Русской Церкви в России XX в.

Abstract

This article is about one of the best known hierarchs of the persecuted Russian church at the turn of the XXth century, Damaskin Tsedrik. Based on archival documents, it traces his biography up until his death as a martyr in the Karaganda concentration camp in 1937. The author analyses the educational and missionary work and preaching of this hierarch, relates in detail the circumstances and historical background of his arrest, the persecution of the Church, the life of the Catacomb Church, and his conclusions about the circumstances of the Russian Church in Russia of the XXth century.

* Witalij Szumilo jest pracownikiem Centrum badań historii religii i Kościoła Instytutu historii, etnologii i prawa im. A.M. Łazorewskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego im. T.G. Szewczenki w Czernihowie.

После состоявшейся в воскресенье 18 ноября 1923 г. хиротонии¹ архимандрита Дамаскина (Цедрика) начался новый этап его служения Церкви – в Черниговской епархии. Это служение стало постепенным восхождением на Голгофу.

Вскоре после рукоположения епископа Дамаскина приходы Чернигова, Нежина и Новгород-Северска также признали его своим правящим архиереем. Напомним, что в это время архиепископ Черниговский Пахомий был удален властями из Украины и вынужден был управлять епархией издалека, находясь в Москве. Это, конечно, затрудняло ведение епархиальных дел и негативно сказывалось на положении Православной Церкви в Черниговской епархии: все ключевые позиции в епархии постепенно заняли обновленцы. Ясно, что для успешного управления епархией в такое смутное время, каким была первая половина 1920-х гг., нужен был волевой, с сильным характером и мужественный, пользовавшийся доверием православной паствы архиерей – здесь, на месте. Именно таким был давний знакомый архиепископа Пахомия архимандрит Дамаскин, к тому же, уже проявивший себя в Крыму и на Кубани. Вероятно, по просьбе архиепископа Пахомия патриарх Тихон назначил владыку Дамаскина временно управляющим Черниговской епархией (Польский 1957, 158; Шумило В. 2001, 8; Косик 2009, 59).

«Депутат, посланный в Москву за епископом Дамаскиным, был вскоре арестован. Ему было сделано предложение: "...телеграфируйте, чтобы епископ Дамаскин не приезжал, и тотчас будете на свободе". Депутат предпочел тюрьму» (Косик, „Архиерейское служение...”).

В Глухов епископ Дамаскин прибыл в декабре 1923 г., и сразу же начал проповедь в защиту Православной Церкви. Как и в Крыму, и на Кубани, ему удалось многих удержать от рокового шага,

¹ О жизни епископа Дамаскина (Цедрика) до его хиротонии в 1923 году см. Шумило В. 2015, 5-26.

а иных, тех, кто этот шаг уже совершил – убедить вернуться из обновленчества в Церковь. Под его влиянием вернулся с покаянием епископ Матфей (Храмцов), возглавлявший обновленцев в Черниговской епархии, и многие другие священники и клирики. Чтобы укрепить позиции Православной Церкви, на место отступивших священников епископ Дамаскин рукополагал новых, преданных «тихоновской» (по имени патриарха Тихона) Церкви. Например, своего адвоката по «крымскому делу», талантливого юриста Евгения Салькова, приехавшего вместе с ним, иерея Иоанна Смоличева, и многих других².

Епископ Дамаскин привел в порядок епархиальную канцелярию, запущенную в отсутствие правящего архиерея, создал новые благочиния, неустанно разъезжал по епархии, служил, проповедовал, укреплял колеблющихся и унывающих. Бывший учитель, он особенно переживал о христианском воспитании детей, растущих в богоборческом государстве. По воспоминаниям очевидцев, дети и молодежь отвечали ему взаимной любовью³.

² Священники Евгений Сальков и Иоанн Смоличев будут расстреляны за принадлежность к Истинно-Православной Церкви (далее ИПЦ) в Карагандинском концлагере в 1937 г.

³ Письмо В.П. Ващенко к В.В. Шумило от 22.07.1998 г., архив автора. Епископ Дамаскин был духовником Всеволода Петровича, в Нежине всегда останавливался в его доме: «По приезде в Нежин епископу Дамаскину не было, где остановиться. Не все частные люди принимали на квартиру, боясь преследования властей. Нам бояться было нечего, мой отец был расстрелян, к слову сказать, в Чернигове, как контрреволюционер. Так попал владыка Дамаскин к нам на квартиру, и прожил примерно 10 лет, а фактически не больше года. Проживет пару месяцев, его арестовывают, ссылают куда-то в Азию. Возвращается из ссылки опять к нам, проживет пару недель или месяцев, и опять ссылка» (Письмо В.П. Ващенко к В.В. Шумило от 18.06.1998 г., архив автора). Во время Второй мировой войны В.П. Ващенко, юрист по образованию, был секретарем Нежинской духовной консистории, после войны жил в эмиграции в Мюнхене, церковный публицист, публиковался в изданиях Русской Зарубежной Церкви Православная Русь, Православная жизнь и других, умер в 1999 г.

В качестве примера, характерного для деятельности епископа Дамаскина, приведем отрывок из воспоминаний его многолетнего секретаря Елены Николаевны Лопушанской: «...открытый противник большевизма, епископ Дамаскин не сразу попал в руки советской власти, и хоть непродолжительное время мог разъезжать. Находчивость и неутомимость епископа Дамаскина поразительны: его ищут в одном месте, а он уже далеко совершает богослужение. В Полтаве предстоит хиротония епископа Василия Зеленцова. Без участия епископа Дамаскина она не может состояться⁴. Но епископ Дамаскин уже прикреплен к Чернигову с запрещением жить в других местах. Он находит выход: приезжает в Полтаву с утренним поездом, с вокзала отправляется прямо в собор, принимает участие в хиротонии, а затем с первым же поездом уезжает обратно» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 40-41)⁵.

В 1924 г. епископ Дамаскин был по делам епархии в Москве, у патриарха Тихона. 12 сентября вместе с патриархом Тихоном

⁴ Так как по канонам Православной Церкви епископскую хиротонию могут совершать не менее чем два архиерея (Правило святых апостол 1-е {*Книга правил Святых Апостол* 1893, 11}). Между тем на Украине в это время почти все православные епископы были арестованы или высланы за ее пределы, и архиепископу Полтавскому Григорию (Лисовскому) некому было сослужить. Епископ Дамаскин, понимая, что за этот поступок может быть арестован, тайно приезжает в Полтаву и принимает участие в хиротонии будущего священноисповедника Василия (Зеленцова) во епископа Прилукского. Хиротония состоялась 25 августа 1925 г. Незадолго до этого, 1 июля 1925 г. епископ Дамаскин был выпущен из тюрьмы под «подписку о невыезде». Нарушив данное власти обязательство, епископ Дамаскин сознательно поставил себя под угрозу нового ареста. О епископе Василии (Зеленцове) подробнее см.: Шумило С. 1997. В указанной публикации, к сожалению, редакция по «цензурным соображениям» исключила упоминание о принадлежности священномученика Василия Прилукского к ИПЦ.

⁵ Здесь необходимо сделать уточнение: в описываемый период епископ Дамаскин находился «без права выезда» не в Чернигове, а в Харькове. За давностью и многочисленностью событий в жизни владыки Дамаскина, Елена Николаевна Лопушанская перепутала: епископ Дамаскин приехал нелегально на хиротонию в Полтаву не из Чернигова, а из Харькова.

и архиепископом Пахоимом он принял участие в рукоположении архимандрита Стефана (Знамировского) во епископа Шадринского, викария Пермской епархии. Но уже на следующий день он выехал назад в Чернигов: в это смутное время епархия не может долго оставаться без правящего архиерея.

Служение епископа Дамаскина в Черниговской епархии, хотя и кратковременное, принесло неожиданные и быстрые результаты: позиции Православной Церкви на Черниговщине были сильны, как и прежде (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 40; Шумило В. 2001, 8-9; Косик, „Архиерейское служение...“, 62-63). В самом Чернигове он близко сошелся с такими столпами православия, как архимандрит Георгий (Смильницкий), игумены Алипий (Яковенко), Смарагд (Чернецкий), Ефрем (Кислый), иеромонах Лаврентий (Проскура) и др. (Шумило В. 2001, 8-9).

Это не могло остаться незамеченным властями, которые протежировали свою, «красную», церковь – обновленцев. Отказывая Православной Церкви в регистрации, власти беспрепятственно регистрировали обновленцев и на основании «отсутствия у тихоновской Церкви регистрации» отбирали у нее храмы, а епископов и священников, продолжавших служить без регистрации (то есть, по логике власти, «противозаконно»), подвергали притеснениям вплоть до ареста (Подробнее см.: Тригуб 2009, 77-126).

15 сентября 1924 г., на следующий день по возвращении из Москвы, в Нежине епископ Дамаскин был арестован (Косик, „Архиерейское служение...“, 64; Шумило В. 2001, 9).

Епископа обвинили в «незаконной организации Епархиального управления и канцелярии без ведома и регистрации таковых в надлежащем Административном органе Соввласти на Черниговщине» (Косик, „Архиерейское служение...“, 68), а также в «выступлении против обновленчества, поминовении при богослужениях епископов, находившихся в заключении» (*Новомученики, исповедники...*).

Епископа Дамаскина продержали в черниговской тюрьме без суда восемь месяцев, «где в камерах, рассчитанных на 20 человек, сидело по 70-80. Среди заключенных [...] епископ пользовался известностью и уважением» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 41).

Православные общины Чернигова, Глухова, Нежина, Новгород-Северска обращались к власти с ходатайством освободить их архиерея. В октябре 1924 г. было подано ходатайство о епископе Дамаскине черниговскому губернскому прокурору, которое подписали 5 тыс. человек. Следует учитывать, какое это было время и что грозило тем, кто подписал обращение в защиту православного архиерея. А просили не так уж и много: гласного, публичного суда над епископом Дамаскиным, такого суда, на котором было бы всем видно – виновен их архиерей, или нет. «Народная власть» не вняла народному призыву.

Понимая, что суда может не быть и что участь их епископа может быть решена в «административном порядке», 24 февраля 1925 г. подается еще одно ходатайство, на этот раз в Харьков на имя «Всеукраинского старосты» Г.И. Петровского. В нем общины просят освободить их архиерея, поскольку за пять месяцев следствия никаких доказательств вины так и не было найдено. В случае если доказательства все же есть, – предать архиерея открытому и гласному суду, «не допустив административного разрешения вопроса о нем [епископе Дамаскине]» (Косик, „Архиерейское служение...”, 74).

Однако доказательств не было, ничего серьезного предъявить епископу не получалось: ни создания монархической организации, с чего началось следствие, ни антисоветской пропаганды. Проповеди и беседы епископа Дамаскина были строго церковными, поднимал он вопросы нравственные, ссылаясь на примеры из житий святых и истории Церкви. Конечно, в проповедях епископ говорил о гонении на Церковь в древние времена и о том, что христианин должен хранить верность Христу и Его Церкви до

конца, невзирая ни на какие обстоятельства в жизни. Рассказывал даже о судьбе христиан в Китае, но о нынешней власти ничего не говорил.

Предъявить в суде было нечего, а удалить епископа Дамаскина за пределы Украины нужно было любой ценой: ходатайства, поданные верующими, свидетельствовали об огромном нравственном авторитете, который владыка Дамаскин приобрел на Черниговщине за столь короткий срок. Было ясно, что авторитет этот будет расти и дальше, и что государственная политика по «тихому» уничтожению Православной Церкви, внедрению на всех ключевых местах епархии обновленцев, если Дамаскин останется в Чернигове, потерпит поражение.

19 февраля 1925 г. в «Заключении по делу епископа Дамаскина» губернский прокурор вынес следующее определение: «гр[аждаин] Цедрик нелегально организует викарные и благочинные управления [...], объединяет духовенство тихоновской ориентации, старается доказать, что обновленческое движение является еретическим и поэтому поддерживается Соввластью, предупреждает граждан осторожно относиться к сообщениям Соввласти о положении Тихоновщины, называя эти сообщения заведомо ложными, вымышленными; поминает во время богослужения епископов, находящихся в заключении по контрреволюционным делам, “как мучеников за веру и Христа”, преследуемых Соввластью, и вообще всячески старается подорвать авторитет ея» (Косик, „Архиерейское служение...”, 75). Однако тут же он вынужден был признать, что для открытого суда над епископом Дамаскиным доказательств недостаточно, хотя «вся работа его в пределах Черниговщины направлена была к подрыву Советской власти и носит контрреволюционный характер».

Это была эпоха НЭП (новой экономической политики Советской власти), в СССР в это время была первая «оттепель», и репрессивная государственная машина на местах иногда давала

«сбои». Правды от «народной власти» добиться нельзя было, но еще не наступила эпоха тотальных репрессий, которая установилась в стране в 1930-е гг., когда нужные следствию показания выбивались пытками, а судебное решение выносилось специальными «тройками» в течение 2-3-х минут. Чтобы немного погасить народное возмущение, 14 мая 1925 г. епископ Дамаскин был выпущен из тюрьмы.

Замечательно, что случилось это накануне праздника Вознесения Господня: «Черниговцы всегда с умилением вспоминали, как выпущенный первый раз из тюрьмы под большой праздник (конечно, только потому, что в ГПУ об этом забыли), епископ Дамаскин служил всенощную. Измученный многомесячным пребыванием в заточении и допросами, владыка не мог стоять. Поэтому мировал он сидя. В алтаре у него сделался сердечный припадок. Но это не помешало ему на другой день служить обедню, – для него не было большей радости, как совершать богослужение» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 41). Однако 1 июля с него уже взяли подписку о невыезде, следственные мытарства не закончились. Для завершения следствия и вынесения окончательного приговора Черниговское ГПУ направило его в Харьков (Польский 1957, 158-159; Е.Л. [Лопушанская] 1971, 42; Косик, „Архиерейское служение...”, 75-77), в то время – столицу советской Украины, подальше от черниговской паствы.

10 июня в Харькове было рассмотрено ходатайство Черниговского губотдела об административной высылке «гражданина Цедрика-Дамаскина как антисоветского элемента», поскольку для открытого судебного разбирательства материала так и не «накопали». Приняли решение выслать епископа за пределы Украины на три года. На следующий день, 11 июня, известили о принятом решении епископа Дамаскина. Однако окончательное постановление о высылке было принято только 4 сентября 1925 г. На судебный процесс так и не решились.

Именно в это время, 25 августа, епископ Дамаскин нелегально посетил Полтаву и принял участие в рукоположении епископа Василия (Зеленцова), а в первых числах сентября уже выехал в Москву (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 42-43; Шумило В. 2001, 9; Косик, „Архиерейское служение...“, 78). В Москве он, как обычно, поселился в Даниловском монастыре.

Любопытно, что в это время в Даниловом монастыре собрались почти все епископы, высланные за пределы Украины. Уже третий год там жил архиепископ Пахомий (Кедров).

Патриарх Тихон умер 7 апреля 1925 г. По завещанию патриарха, Местоблюстителем патриаршего престола должен был стать один из трех митрополитов: Казанский Кирилл (Смирнов), Ярославский Агафангел (Преображенский) или Крутицкий Петр (Полянский) – тот из них, кто на момент смерти патриарха будет находиться на свободе. На свободе в это время был митрополит Петр, он и воспринял на себя бразды правления Русской Церковью.

Власти не случайно высылали епископов в Москву, селили их вместе: так было легче наблюдать за ними, следить за каждым их шагом, а когда придет время – всех вместе и арестовать. Архиереи же, пользуясь случаем, поскольку проведение Собора после смерти патриарха было запрещено, использовали это как возможность соборно обсуждать животрепещущие вопросы церковной жизни и принимать необходимые решения.

Так, одним из обсуждавшихся вопросов был вопрос о назначении нового епископа на кафедру митрополита Киевского и Галицкого, поскольку митрополит Антоний (Храповицкий) находился в это время в эмиграции в Сербии. Одним из основных кандидатов на пост Экзарха Украины был епископ Дамаскин, что говорит о большом авторитете владыки Дамаскина среди архиереев. Однако митрополит Петр не решился на этот шаг, поскольку избранного Собором митрополита Антония мог, по церковным канонам,

сместить только Собор⁶. Но, возможно, здесь был еще и момент солидарности с митрополитом-эмигрантом, которого он знал лично, любил и ценил.

Как бы то ни было, но власти воспользовались тем, что митрополит-эмигрант, «антисоветчик», формально не был лишен Киевской кафедры. 10 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован, а вместе с ним и почти все епископы «Даниловского кружка», среди них – архиепископ Пахомий и епископ Дамаскин (Косик, „Архирейское служение...“, 84)⁷.

В тюрьме епископ Дамаскин пробыл несколько месяцев. По словам Е.Н. Лопушанской, он не любил рассказывать о своих злоключениях в заключении, и всегда отшучивался: «А что же, там люди хорошие. Я и сейчас готов опять туда» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 43). Что люди там были хорошие, это очевидно – советская власть сажала лучших представителей интеллигенции и народа. «А каких хороших людей я встречал, да еще сколько!» – часто говорил владыка.

Но тюрьма есть тюрьма, с ее унижением человеческой личности и страданием, – и чем больше хороших людей в ней встречал владыка, тем более убеждался в жестокости и безнравственности существовавшей власти. Единственным утешением для него в тюрьме, с его же слов, было чтение Библии на английском языке. Другой в тюрьме не оказалось, но для епископа-полиглота, знавшего несколько восточных языков, чтение на европейском языке не составляло труда.

21 мая 1926 г. епископу Дамаскину вынесли приговор: ссылка на три года в Сибирь. Его должны были отправить в Нарым, однако из Красноярска, где он вынужден был дожидаться, пока Енисей

⁶ То, на что не решились митрополит Петр с группой архиереев, совершил митрополит Сергей (Страгородский), назначив на кафедру митрополита Киевского и Галицкого в начале 1928 г. митрополита Михаила (Ермакова).

⁷ С постановлением об аресте епископ Дамаскин был ознакомлен 21 декабря.

плотно покроется льдом, потому что другого пути, кроме санного на собаках, не было, его направили в Туруханский край, в поселок Полой за Северным Полярным кругом.

Чтобы понять, в каких условиях оказался епископ Дамаскин, здоровье которого было сильно подорвано более чем годичным тюремным заключением в сырых и затхлых, переполненных камерах, нужно знать, что такое поселок Полой.

Поселок – громкое название. В действительности это был охотничий стан, состоявший из двух небольших домов: в одном из них жил местный охотник с младшим сыном, в другом – семья его старшего сына. В этих домах и поселились прибывшие с епископом Дамаскиным архиереи. И здесь проявилась жертвенная черта его характера: не желая стесняться и без того стесненных скудными жилищными условиями хозяев и своих собратьев-епископов, владыка поселился отдельно в полуразрушенном сарае, который починил вместе со своим келейником с наступлением весны. В этом же сарае он соорудил церковь и совершал божественную литургию.

Местность, где располагался охотничий стан, находилась на берегу Енисея, ширина которого в этом месте достигала 5 км. На многие десятки километров – ни единой живой души. Почта доставлялась раз в месяц. Сообщение с «землей»: летом – по воде на пароходах и лодках, зимой – по льду на собаках. Другого способа передвижения не было. Зима начиналась в сентябре, заканчивалась в мае-июне, лето длилось 1 месяц при температуре днем +8-10, ночью +3-5 °С, но даже при такой низкой температуре – миллионы комаров и мошек, спасение от которых, по словам владыки, приходило только с наступлением зимы. Снег выпадал выше человеческого роста, хибару засыпало по крышу, превращая ее в юрту – именно это и спасло его в первую зиму: щели толщиной в кулак были плотно засыпаны снегом. Морозы достигали 55-65 °С; летом – белые ночи, зимой – полярная ночь около полугода.

Здесь и пригодились агрономические знания епископа Дамаскина, полученные им еще в учительской семинарии: в этой скудной природе «он все-таки завел маленький огород и посадил зелень, которой так не хватало жителям Заполярья и из-за отсутствия которой там свирепствует цинга. Эта зелень и посылки спасли епископа от нее» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 46).

В этом безлюдье можно впасть в депрессию, опуститься, поколебаться в вере – но только не епископу Дамаскину. Монах-исихаст, он и здесь нашел для себя великое утешение – ежедневное служение божественной литургии (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 48). Благо, посылки еще разрешены, а в посылках – необходимые для совершения литургии мука и вино. Их присылали его друзья из Москвы и Красноярска, его паства из Чернигова.

Так, например, 10 декабря 1926 г. в Чернигове, на квартире прихожанки Мельниковой (по ул. Ленина, 30) был проведен нелегальный благотворительный концерт, который организовал находившийся в ссылке в Чернигове с апреля 1926 г. С.А. Нилус. Собралось около 30-ти человек городской интеллигенции, собранные деньги отправлены отбывавшим ссылку архиепископу Пахомию и епископу Дамаскину (Шумило В. 2001, 16).

В Полое застала епископа Дамаскина Декларация митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности Церкви советской власти. Здесь же, в Полое, произошла историческая встреча епископа Дамаскина с митрополитом Кириллом Казанским, одним из Местоблюстителей патриаршего престола, – когда митрополит направлялся по этапу в ссылку еще дальше в Заполярье. Эта встреча дотоле незнакомых друг с другом архиереев вылилась в теплую и преданную дружбу.

В исторической литературе называются разные даты этой встречи. Протоиерей Михаил Польский, бывший узник Соловецкого концлагеря, называет зиму 1928 г. (Польский 1957, 160).

Е.Н. Лопушанская в статье «Светлой памяти епископа Дамаскина

и Киевского духовенства», опубликованной в 1950 г. в официальном органе Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви журнале «Церковная жизнь», пишет, что они встретились до принятия Сергием Декларации (Е.Л. [Лопушанская] 1950, 50), а в книге «Епископы исповедники» указывает более конкретную дату – зима 1925 г. (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 47)⁸.

Третий важный исторический источник, близкий к митрополиту Иосифу Петроградскому профессор И.М. Андреев, пишет об этой встрече, но дату не указывает вообще (Andreyev 1982, 215).

Современный исследователь биографии митрополита Кирилла А.В. Журавский также называет зиму 1928 г. (Журавский 2004, 301), а иерей Александр Мазырин считает, что встреча произошла зимой 1927/1928 г., приблизительно в сентябре (с учетом, что зима наступает в этом крае уже в сентябре) (Мазырин 2006, 116).

О.В. Косик, ссылаясь на показания епископа Иоасафа (Удалова) на допросе 1 декабря 1930 г., где он говорил: «наша переписка [с митрополитом Кириллом] прекратилась, и возобновилась только с приездом его в августе 1927 г. в Туруханский край, по соседству со мной» (Косик, „Архиерейское служение...“, 92), считает, что встреча произошла в августе, и поэтому митрополит Кирилл и епископ Дамаскин не могли обсуждать Декларацию митрополита Сергия.

Мы склоняемся к точке зрения иерея Александра Мазырина, что встреча действительно могла произойти в сентябре, то есть зимой 1927/1928 года, в таком случае протоиерей Михаил Польский, назвав зиму 1928 г., не ошибся. Из-за близости августа и сентября епископ Иоасаф мог спутать, в каком месяце прибыл в ссылку митрополит Кирилл, а мог и намеренно назвать не тот месяц приезда митрополита, дав неверные показания, что случалось на допросах. Но даже если встреча действительно произошла в августе 1927 г., это вовсе не отменяет возможность обсуждения епископом

⁸ Возможно, впрочем, что это опечатка издателя.

Дамаскиным и митрополитом Кириллом Сергиевой Декларации.

Декларация была подписана 29 июля 1927 г. в Москве, 19 августа она была опубликована в центральной правительственной газете «Известия», распространявшейся по всей территории СССР. Значит, и у митрополита Кирилла, и у епископа Дамаскина была возможность ознакомиться с ее содержанием уже в августе, до встречи в Полое. Нельзя исключать и вероятность того, что этот номер «Известий» могли передать ссыльным архиереям сами чекисты, как это было, например, с находившимся в заключении митрополитом Петром Крутицким.

Таким образом, предание Катакомбной Церкви о том, что уже «во время этого свидания были заложены основы катакомбной церкви» (Е.Л. [Лопушанская] 1950, 50), получает документальное подтверждение: митрополит Кирилл и епископ Дамаскин вполне могли, обсуждая положение Православной Церкви в СССР, придти к заключению, что в будущем, возможно, Церкви придется перейти на нелегальное положение («уйти в катакомбы»), подобно тому, как это делали первые христиане. Дальнейшая деятельность епископа Дамаскина во время его проживания в Стародубе подтверждает эту мысль: там он впервые начинает говорить о том, что пришло время ухода Церкви в катакомбы.

Итак, в июле 1927 г. заместитель Местоблюстителя московского патриаршего престола Нижегородский митрополит Сергей (Страгородский) обнародовал документ, вошедший в историю под названием «Декларация о лояльности советской власти» („Декларация митрополита Сергея...” 1990, 5-9)⁹. От лица всей Русской

⁹ Нужно сказать, что это был уже второй случай «пробновленческого» (как его охарактеризовало большинство архиереев Русской Церкви) выступление митрополита Сергея, первое произошло в 1923 г., при жизни патриарха Тихона. 16 июня Сергей, тогда митрополит Владимирский, совместно с архиепископами Нижегородским Евдокимом и Костромским Серафимом опубликовал воззвание к епископату Русской Церкви с призывом присоединиться к обновленцам:

Церкви митрополит Сергей провозгласил, что отныне «радости и успехи» советской власти – это радости и успехи Церкви, а неудачи власти – неудачи Церкви („Декларация митрополита Сергия...” 1990, 7). Декларация была отпечатана тиражом в 5 тыс. экземпляров и разослана по всем епархиям и приходам (Иоанн (Снычев) митроп. 1995, 104)¹⁰.

Получилась двойственная ситуация: по митрополиту Сергию выходило, что «радости» власти, уничтожающей Церковь, разрушающей храмы, насаждающей обновленчество, сажающей в тюрьмы и лагеря духовенство и верующих – отныне радости и самой Церкви, а неудачи по разрушению Церкви – ее же, Церкви, и неудачи. Всех, кто Декларацию не принимал, митрополит Сергей объявлял «вне Церкви» и подвергал церковным прещениям.

Ясно, что такая лояльность, разрушающая внутреннюю свободу Церкви, была неприемлема для совести многих православных христиан.

Декларация вызвала глубокое потрясение в недрах Русской Церкви, что привело, в итоге, к разделению на тех, кто Декларацию подписал, и тех, кто решительно ее отверг, предпочтя компромиссу с новой государственной властью, объявившей непримиримую

«рассмотрев платформу Высшего Церковного Управления [обновленческого], заявляем, что целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления [речь идет о решениях «Второго Поместного Всероссийского Собора», который провели обновленцы в Москве в апреле-мае 1923 г.; этот собор высказался в поддержку советской власти и 3 мая вынес решение о лишении сана и монашества «бывшего патриарха Тихона»], считаем его единственной канонической, законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви». Цит. по: Григорий (Габбе) епископ. 1991, 38-39.

¹⁰ В книге М.Е. Губонина, выдающегося историка Церкви, собиравшего на протяжении многих десятилетий церковные документы, помещен образец листовки с текстом Декларации; такие листовки, по словам М.Е. Губонина, расклеивались прямо на улицах Москвы. См.: Губонин 1994, 511.

борьбу с Церковью и религией, аресты и гибель в тюрьмах и лагерях. Или же, – для тех, кто выжил – потаенное, «катакомбное» существование. Начались стихийные протесты, которые затем приняли организованную, насколько это было возможно в условиях гонений, форму.

По свидетельству современников, содержание Декларации широко обсуждалось, ее возвращали назад автору, писали в ответ петиции и протесты, составляли альтернативные варианты, приемлемые для совести православного человека (как, например, вариант Декларации, составленный епископами, находившимися в заключении в Соловецком концлагере (Иоанн (Снычев) митроп. 1995, 104-106)), и т.п. В некоторых епархиях Декларацию отправили назад ее автору до 90% приходов (Иоанн (Снычев) митроп. 1995, 107; Регельсон 1977, 434).

Вот образец одного из таких посланий митрополиту Сергию: «Мы, лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, – писал архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), – но хотим быть честными и правдивыми членами Церкви Христовой на земле и не “перекрашиваться в советские цвета”, потому что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят» (Иоанн (Снычев) 1995, 101)¹¹.

¹¹ Об архиепископе Серафиме сохранилось замечательное свидетельство Алексея Ростова (псевдоним известного в эмиграции историка и публициста, профессора Международного университета общественных наук в Риме Сергея Викторовича Грогова), отбывавшего вместе с владыкой лагерный срок: «Летом [1930 г.] пришел с Соловков этап, который остался на Май-Губе: в нем [...] был архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), одно время заменявший арестованного перед своей декларацией митрополита Сергия. Арестовывая подряд всех возглавлявших патриархию, следователь Тучков спросил архиепископа Серафима: “Кто возглавит церковь, если вас арестуем?” – “Сам Господь Иисус Христос! Его вам уже не арестовать!” Его арестовали и дали пять лет концлагеря, выпустили Сергия и тот подписал в июле 1927 г. знаменитую декларацию». См. Ростов 1979, 68.

Очевидно, что протест был вызван не самим фактом гражданской лояльности к гражданской власти, хотя бы и советской. Гражданская война давно закончилась, и не было речи о том, чтобы продолжать борьбу с существующей властью. Православные христиане в СССР подчинялись гражданским законам, в той их части, которая касалась гражданской жизни и не касалась жизни церковной, не вторгалась во внутреннюю жизнь Церкви (как, например, насильственное насаждение обновленчества). Протест был вызван тем, что Советская власть (в лице митрополита Сергия) требовала от христиан большего – добровольного отказа от внутренней свободы Церкви «не за страх, а за совесть», как было сказано в Декларации. Этого православная совесть принять не могла.

Так в Русской Церкви родилось движение, вошедшее в историю под названием Истинно-Православная (или иначе – Катакомбная) Церковь: в нее вошли лучшие представители епископата и духовенства, отделившиеся от митрополита Сергия ради сохранения «чистоты веры» и ограждения внутренней свободы Церкви от вмешательства богоборческой власти. В Черниговской епархии в разное время к ИПЦ присоединились архиепископ Пахомий (Кедров) и епископ Дамаскин (Цедрик).

Уже первая реакция епископа Дамаскина на Декларацию была четкой и ясной – предлагаемый вариант лояльности Церкви богоборческой власти неприемлем для церковного сознания, он приведет к тому, что Церковь утратит свою внутреннюю свободу, будет во всем покорна безбожным властям.

Что Декларация произвела сильное негативное впечатление на епископа Дамаскина, свидетельствует тот факт, что уже в первые месяцы по ее выходу владыка написал более 150-ти писем разным лицам: епископам, священникам, мирянам. «Отправить такое большое количество писем по почте было невозможно – они дошли бы не туда, куда предназначались. Поэтому епископ Дамаскин решил

расстаться со своим келейником [...] и послать его с этими письмами в Москву, некоторые крупные города и на Украину, чтобы часть писем доставить лично, а большую часть опустить в ящики в разных городах» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 56-57).

Между тем известия с «материка» приходили все тревожнее и тревожнее: все больше храмов закрывается, разрушается или превращается в клубы и склады¹², священники арестовываются и отправляются в ссылки и концлагеря. Почти полностью арестован епископат¹³. Арестованы и томятся в невыносимых условиях оба Местоблюстителя патриаршего престола: митрополиты Петр и Кирилл¹⁴. А требования митрополита Сергия идут все дальше и дальше: введена новая формула поминования власти за богослужением, специальным указом № 549 от 21 октября 1927 г. отменено поминование епархиальных архиереев, находящихся в заключении и ссылке (Регельсон 1977, 439; Иоанн (Снычев) митроп. 1995, 124) – выполнено требование власти, которое патриарх Тихон и «тихоновский» епископат в свое время решительно отвергли¹⁵.

В 1928 г. святителя посетил специально приехавший в Полой агент ГПУ: «Знаменательно, что первым вопросом, заданным мне [...] был: “Как Вы относитесь к декларации митрополита Сергия?”»¹⁶ «Этот вопрос с предельной ясностью обнажил ту горькую правду, что между политикой властей и действиями митрополита

¹² Закрыты храмы в Нежине, по поводу чего епископ Дамаскин посылает в Нежин особое послание духовенству и пастве. См.: Е.Л. [Лопушанская] 1971, 53-54.

¹³ По сведениям профессора И.М. Андреева, «в 1927 г. томилось в концлагерях свыше 200 епископов». См.: Андреев 1947, 5.

¹⁴ Третий, митрополит Агафангел, после тюремного заключения, ссылки в Нарымском крае и многих страданий находился совершенно больной в Ярославле, умер 16 октября 1928 г. Декларации митрополита Сергия не принял.

¹⁵ Напомним, что одним из пунктов обвинения епископу Дамаскину в 1924 г. было поминование ссыльных и находившихся в заключении архиереев.

¹⁶ Из письма епископа Дамаскина митрополиту Сергию. Цит. по: Концевич 1976, 61.

Сергия существовала связь» (Косик, „Архиерейское служение...”, 106). Теперь у ГПУ появился еще один повод для ареста православных – непризнание Декларации митрополита Сергия. Схема была простая: «вы не поминаете митрополита Сергия, потому что не признаете его декларации, а раз не признаете декларации, вы контрреволюционер»¹⁷. Последнее умозаключение в 1936-37 гг. уже влекло за собой расстрельную статью.

Впрочем, признание тоже не спасало, арестовывали всех: к началу Второй мировой войны (сентябрь 1939 г.) на свободе осталось только четыре правящих архиерея – митрополит Сергей и члены его синода (Шкаровский 2000, 98-99)¹⁸.

Епископ Дамаскин продолжает рассылать письма. Главная тема писем теперь – созидание внутреннего человека, стяжание Царства Небесного в сердце, сохранение внутренней свободы, которую никто не может отнять: «В одном глубоко ошибаются враги Христовы, это в том, что эту свободу Христову можно уничтожить. Никак и никому это сделать не удастся. Пусть они дезорганизуют внешний аппарат Ц[ерк]ви, пусть разрушают и оскверняют наши святыни, пусть лишают куска хлеба и общечеловеческих прав милли[оны]

¹⁷ Из письма епископа Дамаскина митрополиту Сергию. Цит. по: Концевич 1976, 61.

¹⁸ Пример митрополита Ленинградского Серафима (Чичагова) в этом случае очень показателен: подписав Сергиеву Декларацию, митрополит Серафим сменил на Ленинградской кафедре митрополита Иосифа (Петровых), отклонившего Декларацию и возглавившего Истинно-Православную Церковь. Митрополит Серафим, пользуясь помощью ГПУ, повел в Ленинграде решительную борьбу против митрополита Иосифа и «иосифлян»: «Включаясь в борьбу за церковную власть в городе, митр. Серафим еще при назначении в Ленинградскую епархию поставил перед Е. Тучковым условием своего приезда “недопущение туда митрополита Иосифа”». См. Шкаровский 1999, 20. Митрополит Иосиф был расстрелян 20 ноября 1937 г. вместе с митрополитом Кириллом Казанским как исповедник ИПЦ. Спустя 21 день, 11 декабря был расстрелян Серафим (Чичагов). Ни подписание Сергиевой Декларации, ни борьба с Истинно-Православной Церковью не спасли его от уничтожения советской репрессивной машиной.

верующих, пусть отнимают тысячи жиз[ней] в своих тюрьмах и ссылках – все это лишь больше и больше уясняет верующим, сколь драгоценна эта свобода во Христе» (Косик, „Архиерейское служение...”, 106). После Сергиева указа от 21 октября 1927 г. владыка подписывает свои письма: «Ссылный Епископ...».

Письма епископа Дамаскина переписывались и распространялись в Москве, Киеве, Харькове, Чернигове и многих других городах. «Вдохновенные послания владыки Дамаскина сделали его имя известным, любимым и почитаемым не только во всей верующей России, но и далеко за ее пределами» („Житие и страдания...” 1991а, 8)¹⁹.

Но вот пришло окончание срока ссылки, и епископ Дамаскин встал перед выбором: остаться в этой скорбной, но тихой келии, где он в течение трех лет ежедневно совершал божественную литургию и творил Иисусову молитву – отшельником ото всего мира, или вернуться в этот мир для борьбы за правду Христову. «Душа епископа Дамаскина раздваивается: с одной стороны, его тянет от мира, с другой – он не может остаться пассивным зрителем крушения самого дорогого для него – Русской Православной Церкви» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 57).

Выбор был вполне реальный: его современник, епископ Варнава (Беляев), несколькими годами ранее отошел от общественного и пастырского служения, ушел в затвор и всю дальнейшую жизнь посвятил написанию трудов по аскетике²⁰. Это тоже был выбор не простого пути, сейчас мы знаем епископа Варнаву как автора одной из лучших работ по православной аскетике – многотомника

¹⁹ Сохранившиеся письма и послания епископа Дамаскина были вывезены за границу и опубликованы, помимо русского, на английском, немецком, французском, болгарском, сербском и других языках. В Русской Зарубежной Церкви епископ Дамаскин почитался как один из наиболее авторитетных архиереев Русской Церкви.

²⁰ Умер он в Киеве в 1963 г., похоронен на Байковом кладбище.

«Основы искусства святости»²¹. Но у епископа Дамаскина, как и у митрополита Кирилла, и митрополита Иосифа, был иной путь. 28 ноября 1928 г. он пишет из Красноярска: «Был у меня план остаться в сибирской тайге еще на 3 года, определенные мне после окончания туруханской ссылки. На Украину закрыт мне путь, как и в 99 других мест, выбирать приходится из немногого: или Сибирь, или центральные губернии. Сибирь показалась мне наиболее надежным убежищем в моем положении. Однако письма и телеграммы близких побудили меня изменить план, и я сегодня выезжаю в г. Стародуб Брянской губернии, куда “единодушно” приглашает меня духовенство. Ранее Стародуб входил в Черниговскую епархию. Склонило меня к поселению в России еще желание ближе познакомиться с положением, повидаться кое с кем. Хотя в Москву доступ тоже закрыт мне, но, может быть, проездом и там увижусь с нужными мне людьми. Много горечи впитал я за это недолгое время, когда лично наблюдал местную церковную жизнь Енисейска и Красноярска. Что же встречу в Москве и дальше? Господи, дай силы, дай разумение, чтобы не растеряться. Я уже начинаю чувствовать, что вряд ли я сумею остаться пассивным свидетелем разворачивающихся событий церковной жизни... Но также не сомневаюсь и в последствии сего...» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 58). Владыка Дамаскин принимает решение вернуться к активной церковной и пастырской деятельности.

Из Красноярска епископ выехал в первых числах декабря. Ехал через Москву, в надежде, что в Москве разрешится его основное сомнение.

Главная встреча, которую наметил себе владыка в Москве, – с митрополитом Сергием. Епископ Дамаскин надеялся, что во время их личной встречи он сумеет рассказать митрополиту Сергию правду о том, каково истинное положение гонимой Церкви,

²¹ О епископе Варнаве см. подробнее: Проценко 1999.

как репрессивные органы государственной власти используют Сергиеву Декларацию против православного духовенства, каково действительное отношение архиереев, томящихся в заключении, к тому варианту лояльности, который предлагает Русской Церкви митрополит Сергей, насколько деморализующе подействовала Декларация на православную паству и т.д. Он надеялся, что ничего этого митрополит Сергей не знает, и именно с этим незнанием связана его церковная политика.

Останавливаться в Москве более чем на сутки опальному епископу было запрещено. И тут помог случай: в поезде владыка заболел воспалением легких, ехать в Брянск, и дальше – в Стародуб было нельзя. Он вынужденно задержался в Москве.

Встреча с митрополитом Сергием состоялась 11 декабря 1928 г.²² Основные вопросы, которые он задал митрополиту Сергию, были: «Считаете ли Вы, Ваше Высокопреосвященство, что решение Ваше является голосом соборного иерархического сознания Российской Церкви? Имеете ли Вы основания считать Ваш личный авторитет достаточным, чтобы противопоставить его сонму маститых иерархов, совершенно не разделяющих Вашу точку зрения?» (Е.Л. [Лопушанская] 1952, 5).

О результате этой продолжительной беседы мы подробно узнаем из письма Дамаскина Сергию, посланного уже из Стародуба в мае 1929 г.: беседа принесла глубокое разочарование, стало ясно, что заместитель патриаршего Местоблюстителя не ошибается – это его сознательная и целенаправленная политика (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 59). «Епископ Дамаскин не хуже других понимал значение легализации, так как не раз он и другие архиереи сталкивались с ситуацией, когда власти отказывали епископу в регистрации и одновременно привлекали его к суду за ее отсутствие. И тем не менее святитель

²² Эту дату епископ Дамаскин указывает в письме митрополиту Сергию. См.: Концевич 1976, 49.

считал грехом приносить в жертву этой легализации независимость Церкви» (Косик, „Архиерейское служение...“, 108). С этого момента начался постепенный отход епископа Дамаскина от митрополита Сергия и возглавляемого Сергием синода: «о результатах встречи скажу следующее», – писал он своим единомышленникам-архиереям: «если издали я еще предполагал возможность данных, коими бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились – теперь никаких оправданий у меня для митр[ополита] Сергия и компании нет!» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 58-59).

Тем не менее, это не означало немедленного разрыва с митрополитом Сергием и теми архиереями и духовенством, которые приняли Декларацию. Всю свою энергию епископ Дамаскин направил на разъяснение сомневающимся пагубности для Церкви «сергианского» пути. По-видимому, в первые несколько месяцев он даже поминал Сергия за богослужением, во всяком случае, не отказывался служить в тех храмах, где поминали Сергия²³. В это время еще не было резкого размежевания между «сергианами» и «тихоновцами»: в городе мирно уживались и те, и другие. Служил владыка в Иоанно-Предтеченской церкви, принадлежавшей тихоновцам.

Он пишет много писем, посланий, активно общается с Черниговским духовенством: его главная задача сейчас – убедить как можно большее число людей в том, что Церковь – это не епархиальная канцелярия и пишущие машинки, а Тело Христово, о котором Христос сказал: «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18). И, следовательно, нет в мире такой власти и силы, которая смогла бы нарушить это обетование Христово. Он уже прямо называет деяние Сергия отступлением от Христа (См. подробнее: Е.Л. [Лопушанская] 1971, 66-76).

²³ Подробнее рассуждения об этом см.: Косик, „Архиерейское служение...“, 114-115.

О стародубском периоде жизни епископа Дамаскина сохранилось свидетельство епископа Козелецкого Стефана (Проценко), в то время – викария Черниговской епархии. В 1933 г. митрополит Сергей назначил его управляющим Черниговской епархией вместо арестованного архиепископа Пахомия (Кедрова) (Шумило В. 2001, 21).

На допросе 10 августа 1936 г. Стефан (Проценко) сообщил следующее²⁴: «Л. 80: В 1929 году, в своей деятельности на Черниговщине мне пришлось столкнуться с тем фактом, что проживавший в то время в г. Стародубе; Западной области епископ Дамаскин Цедрик, выходец из Украины стал вмешиваться в церковные дела подведомственных мне приходов.

Л. 81: Я тогда лично поехал в Стародуб к Цедрику, чтобы выяснить у него насколько правдоподобны слухи о его вмешательстве в церковную жизнь Черниговщины. Епископ Дамаскин категорически отрицал эти слухи. Тогда же он мне [...] говорил о своих расхождениях с руководством церкви, в частности, с патриаршим синодом, по вопросу установления нормальных взаимоотношений с властью и дал мне ряд документов по этому вопросу для ознакомления. Авторами документов были митрополит Кирилл Смирнов, митрополит Петр Крутицкий и другие. В числе этих документов было и письмо самого Цедрика. [...] Я тогда с этими документами ознакомился и, впоследствии, большинство из них уничтожил. Впоследствии мне стало известно, что часть авторов этих документов принадлежала к ИПЦ»²⁵.

Однако время шло, становилось все более очевидным разлагающее влияние Сергиевой церковной политики в жизни Русской Церкви. К тому же, уже было ясно, что никого, кроме самого

²⁴ Правописание документа сохранено без изменений.

²⁵ ГДА СБ Украины, г. Чернигов, Ф. П-11588, т. 1, д. 256383. Ныне это следственное дело хранится в Государственном архиве Черниговской области.

Сергия, Декларация не спасла: власть по-прежнему арестовывала как тихоновцев, так и сергиан. Владыка все чаще размышляет о том, что, по-видимому, пора уже прекратить литургическое общение с митрополитом Сергием.

Примерно в это время, в мае 1929 г. епископ Дамаскин «получил предложение от митрополита Серафима Ленинградского (Чичагова) быть его помощником». «И, разумеется, отказался, как и раньше от сергиевских предложений», – пишет владыка в письме от 21 мая 1929 г. «Есть и другое предложение – от ссыльных отцов: приехать к ним в ссылку добровольно. Чувствую, что это было бы наиболее для меня безопасное местопребывание, но не хочется ни о чем просить “г.г.”» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 59).

Летом 1929 года он окончательно отошел от Сергия. Произошло это после важного, на наш взгляд, события в истории Русской Церкви: по поручению епископа Дамаскина монахиня Ирина (Бурова) посетила находившегося в ссылке Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра. Митрополит Петр дал однозначную оценку политике Сергия: она наносит непоправимый вред Церкви. Главный вывод патриаршего Местоблюстителя: епископы должны «сместить м[итрополита] Сергия», митрополит Петр не благословляет «помянуть м[итрополита] Сергия за богослужением»²⁶. Этот ответ первоиерарха Русской Церкви был важен, поскольку давал твердые канонические основания для отхода от Сергия и его синода.

С этого времени епископ Дамаскин установил регулярные контакты с киевскими и харьковскими «иосифлянами»²⁷, а также с лидером иосифлян архиепископом Димитрием (Любимовым).

²⁶ Письмо протоиерея Григория Селецкого митрополиту Иосифу (Петровых) от 17 сентября 1929 г., написанное по поручению епископа Дамаскина. См.: Сикорская 2008, 458; Косик, „Архиерейское служение...”, 149.

²⁷ Сторонниками митрополита Петроградского Иосифа (Петровых), возглавившего ИПЦ.

Большинство черниговских священников также открыто объявили о прекращении поминовения митрополита Сергия.

О принадлежности епископа Дамаскина и части духовенства Черниговской епархии к ИПЦ свидетельствовал перед следственными органами епископ Стефан (Проценко), не отрицали это на следствии и сами священники, принадлежавшие к ИПЦ²⁸. Необходимо заметить, что некоторые из них, например иеромонах Михаил (Корма), прекратили поминовение митрополита Сергия раньше епископа Дамаскина²⁹, чем, возможно, ускорили принятие этого решения самим владыкой.

Однако, как это характерно для епископа Дамаскина, он не просто прекратил поминовение митрополита Сергия: он все еще не оставляет надежду убедить митрополита вернуться на исповеднический путь и пишет ему пространное письмо. Это один из «программных» документов в истории Катакомбной Церкви, не случайно в Русской Православной Церкви Заграницей его многократно переиздавали. Поэтому приведем выдержки из этого послания:

«... принятый Вами новый курс постепенно уяснялся нами [...] и больно ранилось наше сердце, особенно когда возмущившая наши души измена Ваша [...] сопровождалась несправедливыми обвинениями нас – ссыльных и несогласных с Вами иерархов – обвинений, на кои в свое время также не скупилась обновленцы. [...] Скорбно, тяжело было узнавать об отходе от Вашего Высокопреосвященства группы достойных и маститых иерархов, читать массу писем от возмущенных Вашей декларацией пастырей и мирян. Доходили

²⁸ ГДА СБ Украины, г. Чернигов, Ф. П-11588, т. 1, д. 256383, л. 80-81; л. 107-об, л. 108-112, л. 116; Ф. П-11588, т. 2, д. 256383, л. 183, л. 193-193-об, л. 202-202-об; Ф. П-10951, д. 37/882. Ныне эти следственные дела хранятся в Государственном архиве Черниговской области.

²⁹ ГДА СБ Украины, г. Чернигов, Ф. П-11588, т. 1, д. 256383, л. 107-об. Ныне это следственное дело хранится в Государственном архиве Черниговской области.

до нас сведения о посыпавшихся на почве такого расхождения с Вами прещениях и увольнениях. Печальная правда предстала перед нами во всей своей наготе [...]».

Декларация, по мысли епископа Дамаскина, это «... грех Ваш против внутренней правды церковной, против евангельского завета – безбоязненно исповедовать Истину, как предстоятелю Церкви непрерывно стоять на страже Ее. Вы же отказались от одной из главнейших сущностей Церкви – Ее свободы, поступились Ее достоинством. [...] Грех ваш еще – внутренняя неправда самой декларации, основанная на боязливости. Ведь только в таком осуждении становится понятным 8-й стих 21-й главы Откровения, где “боязливые” поставляются наряду с неверными, убийцами и любодейцами. [...] Страшно подумать, как пошатнули, подорвали Вы Вашей декларацией авторитет церковной иерархии, какую обильную жатву собирают на этой почве враги наши, как много верующих, не видя для себя доброго примера в своих пастырях, усомнились в своем уповании в Вечную Правду, и как много их посему отшатнулось от Церкви и погибает в отщепенческих болотах и в струях сектантства! Пользуются умело враги произведенным Вами в Церкви смятением и с удесятеренной наглостью проводят свою безбожную программу. [...]

Рассматривая настоящий скорбный путь Российской Церкви в перспективе вечности, приходишь к проразумению высокого смысла всех настоящих испытаний. Угасание духа веры в массах, принижение спасительных идеалов Церкви, забвение пастырями своего долга, умножение на этой почве беззакония и “иссыкание любви многих” – не могло не привести к тяжелым последствиям. Во всяком организме угасание духа вызывает конвульсии. Слишком далеко отошли мы в нашей церковной жизни от заповедей Христа, от руководства учением св[ятых] Апостолов, от заветов св[ятых] Отцов, Мучеников и Исповедников; тяжкие скорби необходимы стали, чтобы хоть таким путем обратить наше внимание на

великий грех призванных к святости носителей Имени Христова. Может быть во всем этом уже начало суда Божия над грешным миром, надлежит же “начаться суду с дома Божия” (1 Петр. 4, 17). Благословлять подобает Господа за ниспослание нам настоящих испытаний, направленных для пользы и спасения нашего, а не прыгать в паническом страхе в болото, где позорная гибель заранее обеспечена.

Настоящие скорби можно рассматривать как промыслительный отсев пшеницы от мякины, может быть для нового доброго посева на грешной земле, а может быть для создания кадров тех верных сынов Небесного Царя, коим предстоит противостать близящемуся царству “сына погибели”. [...]

Неужели никогда мысль Вашего Высокопреосвященства не останавливалась над тем обстоятельством, что разделяя своей декларацией пастырей на “легализованных” и “нелегализованных”, бросая в сторону последних несправедное обвинение в контрреволюции, Вы тем самым поставяете всю ссыльную Церковь, оставшихся еще на свободе некоторых иерархов и значительную часть остальных пастырей под постоянные удары подозрительной советской власти [...]. Не тем ли объясняется “бессрочность” ссылки наших первоиерархов? Известно ли Вам, например, в каких невыносимых условиях живут два достойнейших носителя православного церковного сознания – митрополит Петр и митрополит Кирилл, оба больные и загнанные в такие условия с несомненным жестоким расчетом? Не мелькнула ли у Вас когда-нибудь мысль о том, что “свободой и покоем” Вы пользуетесь за счет медленного умирания неугодных первосвященителей наших? [...]

О, Ваше Высокопреосвященство, пока не поздно, посмотрите к какой пропасти подвели Вы доверившихся Вам и, пока не поздно, торопитесь исправить свою ошибку. [...] Вся Церковь ждет от Вашего Высокопреосвященства открытого заявления: – считаетесь

ли Вы с мнением подавляющего большинства иерархов? почти всей ссыльной Церкви, а также на мольбы и протесты множества других пастырей и мирян — ответите ли отказом от ошибочного шага и изменением курса своей церковной политики, или же предпочтете утверждаться на основе уже совершенного Вами уклона в сторону расхождения со всею Церковью. [...] Настоящий грозный момент истории Российской Церкви, если все мы по достоинству не оценим его значения, может закончиться грозным приговором: “отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его”. Да не будет же имя Вашего Высокопреосвященства заклеяно историей, как одного из гасителей светильника Российской Церкви! [...]

Но, увы! – если Вы, Ваше Высокопреосвященство, станете упорствовать в Вашем курсе и открыто пренебрежете голосом Церкви, то она, продолжая свой крестный путь, откажется от Вас, как от соучастника с ее распинателями.

Большинство ссыльных иерархов до сих пор не предполагали, что в действительности Вы и Ваши единомышленники ушли гораздо дальше, чем мы в состоянии были предположить; что Вы перешагнули далеко за намеченную Вами раньше черту, и дальше путь Ваш идет уже с очевидным уклоном по направлению за ограду Церкви. Постепенно истина эта открывается для всех. Мы все остановились, не идя с Вами, и продолжаем умолять, звать Вас вернуться, вновь соединиться с нами. Но ведь жизнь не может остановиться, и мы вынуждаемся идти вперед своей прежней дорогой. Мы умоляем, зовем Вас, Владыко, мы все еще возле Вас и готовы подать Вам руки...

Если Вы все же не внемлите, не возвратитесь, – то пойдете Вашим уклоном дальше, но без нас» (Концевич 1976, 49-64).

В это время епископ Дамаскин начинает уже открыто говорить о том, что Русской Церкви, ради сохранения внутренней свободы, придется уйти в катакомбы.

Кроме черниговского духовенства владыка активно общался с киевскими «иосифлянами», уважаемыми и почитаемыми в городе пастырями: духовником Свято-Покровского монастыря протоиереем Димитрием Ивановым, настоятельницей монастыря схиигуменьей Софией (Гринёвой), священниками Анатолием Жураковским, Леонидом Рохлицем, и многими другими. Этот период жизни епископа Дамаскина ознаменован обширнейшей перепиской с собратьями-архиереями, духовенством и мирянами. В частности, – с митрополитом Кириллом, с которым у него установилось полное единомыслие.

Для епископа Дамаскина единомыслие с митрополитом Кириллом было важным моментом его собственного канонического и пастырского сознания – осознания правоты выбранного пути, поскольку именно митрополит Кирилл в 1926 г., при тайном опросе архиереев большинством голосов был назван преемником патриарха Тихона на посту московского патриарха. Выбору этому осуществиться не удалось, – все архиереи, принявшие участие в тайном голосовании, были арестованы, в первую очередь митрополит Кирилл³⁰.

Целью переписки епископа Дамаскина было «собрание сил»: нужно было объединить всех православных, не согласных с новым курсом митрополита Сергия. Епископ Дамаскин активно формирует на Украине Истинно-Православную Церковь.

27 ноября 1929 г. владыка вновь был арестован: доносителем в этот раз стал сергианский священник, благочинный стародубского района (Польский 1957, 162; Е.Л. [Лопушанская] 1971, 87; Шумило В. 2001, 17-18; Косик, „Архиерейское служение...”, 153.159-165). Вместе с владыкой была арестована большая группа людей, священников и мирян. Главное обвинение, которое было выдвинуто владыке органами ГПУ: организация собраний, на которых

³⁰ Подробнее о «выборах патриарха» в 1926 г. см: Журавский 2004, 245-300.

велись антисоветские разговоры и читались антисоветские письма. А по сути – в непризнании Декларации и объединении вокруг себя сторонников ИПЦ.

На следствии владыка вел себя спокойно, честно и прямо высказывал свою позицию об установившихся отношениях государства и Церкви. Он объяснял следователю, что ни он, ни противники Декларации митрополита Сергия не выступают против легализации Церкви в СССР как таковой, что ничего антисоветского в их действиях нет, и не было. Они – за нормальные отношения Церкви и государства, но они решительно против вмешательства государства во внутреннюю жизнь Церкви, как это происходит сейчас. Владыка пояснил, что и в прежнее, царское время он был против привнесения политики в церковную жизнь.

На вопросы о конкретных лицах он отвечал сдержанно, так, чтобы у ГПУ не было за что «зацепиться» для обвинения арестованных или для совершения новых арестов. В некоторых случаях он прямо отказывался называть имена людей, интересовавших следствие, например, епископа Иоасафа (Удалова). Следствие располагало письмом епископа Иоасафа к епископу Дамаскину, и следователь пытался выяснить имя автора письма.

29 декабря епископ Дамаскин был переведен из Стродуба в Смоленск. Из протоколов допроса в Смоленском изоляторе видно, что владыка был очень болен, и, тем не менее, его водили на допросы. Чтобы заставить говорить, его морили голодом. Не исключено, что били – в это время уже начинают широко применяться на допросах побои и даже пытки.

Он говорит, но, конечно, не то, что ожидал от него следователь: «как невозможно никаким давлением уничтожить пара, и тем лишь усиливается сопротивляемость его, так невозможно уничтожить вековую идею христианства, ибо она в духе человека» (Косик, „Архиерейское служение...“, 163).

В марте 1930 г. следствие было закончено. Епископа Дамаскина

и его «подельников» обвинили в создании контрреволюционной организации, которая ставила себе целью «свержение советской власти». Состояла она «из наиболее реакционных попов, а[н-ти]-сов[етских] активных “ревнителей православия” и монахов». Антисоветскую агитацию эта организация вела «под флагом организации борьбы против сергиевского церковного течения, – продавшихся большевикам».

В этом деле уже фигурирует слово «катакомбы». По мнению следствия, формирование катакомбных общин, то есть уход из-под контроля государства, активно вмешивавшегося в жизнь Церкви, является прямым доказательством контрреволюционной деятельности: «Одной из задач в своей деятельности группировка также ставила подготовку к переходу всей церковной деятельности в подполье – “катакомбы”, давая надлежащие установки по этому вопросу в распространяемых письмах и воззваниях» (Косик, „Архиерейское служение...”, 164).

28 мая 1930 г. епископа Дамасакина приговорили к заключению «в концлагерь сроком на десять лет». Он был направлен на Соловки (Польский 1957, 162; Е.Л. [Лопушанская] 1971, 87; Шумило В. 2001, 18; Косик, „Архиерейское служение...”, 165) – один из самых жестоких концентрационных лагерей СССР.

Как и о предыдущих тюремных заключениях, о пребывании владыки на Соловках сведений почти нет. Даже своему преданному секретарю Е.Н. Лопушанской он очень мало рассказывал. Известно только, что условия там были ужасные, чтобы хоть как-то спастись от голодной смерти, он вынужден был собирать на берегу реки «ракушки». Единственным утешением для него была уединенная молитва в лесу: его часто видели в лесу коленопреклоненным (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 87). «Его созаключенные рассказывали, что он пользовался каждой минутой свободы на лесных работах, чтобы отойти от рабочих групп в глубь леса и молиться. Они рассказывали, что когда неподалеку молился этот мученик-епископ,

то атмосфера необычной примиренности и тихой светлости воцарялась в самых пестрых и грубых рабочих группах, совсем не склонных к какой бы то ни было форме благоговения или благочестия» („Житие и страдания...” 1999б, 8).

Но рассказал об этом, конечно, не сам владыка, рассказали ссыльные, которые отбывали лагерный срок вместе с ним. К сожалению, Е.Н. Лопушанская не назвала их имен.

Переписка запрещена еще не была, однако получать и отправлять разрешалось не более одного письма в месяц. Чудом сохранилось письмо владыки, которое хранится в одном частом архиве. В нем такие строки: «Теперь же мы приблизились ко Христу, познали радости, перед коими все прежние земные радости – ничто» (Косик, „Архиерейское служение...”, 165). Это слова монаха-исихаста, познавшего тепло Фаворского света в жесточайших условиях человеческой жизни, подлости и страданий.

Соловки окончательно подорвали его здоровье. В ноябре 1933 г. он был освобожден как полный инвалид. Так часто делали: чтобы «не плодить мучеников», их выпускали умирать на «свободу»³¹. По дороге домой, на Украину, епископ Дамаскин встретился в Архангельске с архиепископом Серафимом (Самойловичем), с которым у него установилось общение и доверительная переписка (Косик, „Архиерейское служение...”, 167-170).

Уже находясь на Украине, в Херсоне у своего брата Федора, владыка узнал об освобождении митрополита Кирилла. Он немедленно отправился к митрополиту в Гжатск, пользуясь временной «передышкой» властей, понимая, что ни митрополиту Кириллу, ни ему самому не дадут долго пребывать на свободе. Это была вторая их встреча, очень важная в истории Русской Церкви, потому что

³¹ Так поступили и со старинным другом владыки Дамаскина – архиепископом Пахомием (Кедровым). Абсолютным инвалидом его выпустили на свободу в 1937 г., где он 11 ноября умер «своею смертью». См.: Шумило В. 2001, 20-21.

она сформировала их дальнейшее отношение к церковной политике митрополита Сергия³². С этого времени митрополит Кирилл уже благословлял создание «домашних церквей», где можно совершать богослужения, не поминая Сергия. Идея ухода Русской Церкви в катакомбы, формирования Катакомбной Церкви вышло из области теоретических размышлений и приняло практическую форму. Фактически, митрополит Кирилл возглавил Катакомбную Церковь. Нет сомнений, что пришел он к этим убеждениям не без участия епископа Дамаскина, потому что именно в это время владыка Дамаскин приходит к выводу о том, что в СССР истинная Церковь может сохраниться только в катакомбах.

Е.Н. Лопушанская пишет: «Он уже уклоняется от широкой деятельности, не пишет длинных посланий, обращенных к широким кругам верующих. Он убедился, что в условиях советской действительности и общего разложения возможна только подпольная Церковь. А самое главное, он увидел массовый отход от религии, успех антирелигиозной пропаганды, растущее вширь и вглубь безбожие. Надо было спасать уже не большинство, а меньшинство» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 88). В это время, по-видимому, и появляется его работа «Печать Христа и печать антихриста»³³. Теперь он мыслит апокалипсическими символами, в его представлении Церковь четко разделилась на Филадельфийскую и Лаодикийскую. Филадельфийская Церковь – это Истинно-Православная Церковь, Церковь патриарха Тихона, митрополитов Петра и Кирилла, Лаодикийская – церковь митрополита Сергия. Близко знавший схиигумену Софию (Гринёву), а через нее епископа Дамаскина, будущий катакомбный священник отец Михаил Нечитайленко, в то время 19-летний юноша, передавал по памяти слова, сказанные владыкой

³² А следовательно, и отношение к этой политике архиереев и духовенства, которые разделяли убеждения митрополита Кирилла и епископа Дамаскина.

³³ См. подробнее: Е.Л. [Лопушанская] 1971, 72-74; Andreyev 1982, 222-223.230; Дамаскин (Христенсен) иеромон. 1994, 69-72; Шумило В. 2008, 44-60.

Дамаскиным о Церкви, как своего рода завет: «Новозаветный Ковчег спасения [Православная Церковь] должен закрыться изнутри [уйти в подполье], дабы сохранить от всепоглощающих волн огненного океана [советского государства, уничтожающего Церковь и миллионы верующих] хотя бы “малое стадо”» (см.: Лк. 12,32). Речь шла, конечно, о дальнейшем катакомбном существовании Русской Церкви³⁴.

Формированию таких настроений в среде епископата и духовенства способствовала также позиция первоиерарха Русской Церкви митрополита Петра по отношению к митрополиту Сергию и созданному им синоду, ставшая широко известной. Так, весной 1934 г. епископ Дамаскин получил (вероятно, от митрополита Кирилла) копии писем патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра к своему заместителю митрополиту Сергию с осуждением действий последнего. Конечно, это в очередной раз укрепило епископа Дамаскина в осознании верности избранной им позиции. В одном из писем того периода он писал своим единомышленникам: «Извещаю вас, что дедушка Петр предложил митрополиту Сергию распустить незаконный Синод свой, изменить свое поведение и принести покаяние перед Церковью и собратиями. Сдержит ли он это? Конечно, нет. Значит, нам не по пути, не по дороге с ним» (Шкаровский 2011, 212).

Теперь у епископа Дамаскина нет сомнений относительно «сергианской церкви»: «Путь митрополита Сергия – путь несомненной апостасии. Отсюда и отщечение благодати у него несомненно» – пишет владыка 15 апреля 1934 г. архиепископу Серафиму (Самойловичу) (Сикорская 2008, 468-469)³⁵. Для него ясно, что молитвенного

³⁴ Свидетельство священника Михаила Даниловича Нечитайленко. Запись беседы от 22 февраля 1996 г., архив автора.

³⁵ Апостасия (в переводе с греческого – отступление) – богословский термин, обозначающий буквально «отступление от Христа, от Церкви». Подробный разбор деятельности митрополита Сергия с точки зрения «апостасии» см. в работе протоиерея Бориса Молчанова (Молчанов 1992, 4-27), написанной

общения православных с сергианами быть не может. Копию этого письма он пересылает митрополиту Кириллу, и вообще передает широкой огласке. На вопрос следователя во время допроса 16 августа 1934 г., кто автор этого письма, митрополит Кирилл ответил: «епископ Дамаскин, мой единомышленник».

В это же примерно время митрополит Кирилл в одном из своих писем рассуждает об «обновленческой природе сергианства», делая вывод, что «митрополит Сергей отходит от Православной Церкви». А если так, «для православных нет с ним части и жребия» (сравни: Деян. 8. 18-24) (Сикорская 2008, 468). Это письмо также распространялось в копиях и было хорошо известно в Катакомбной Церкви и в РПЦЗ благодаря эмигрировавшим во время Второй мировой войны катакомбникам.

Но «отщечение благодати» у митрополита Сергия и единомышленных с ним епископов разве означает, что благодати спасения лишены тысячи верующих, не понимающих, в какую пропасть ведет их митрополит Сергей: «пока они [Сергий и иже с ним] не отсечены» «Соборным решением Церкви»?³⁶

Епископ Дамаскин подает это в форме вопроса, и митрополит Кирилл как бы отвечает: «Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие? Мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией» (Сикорская 2008, 468).

Несмотря на тяжелое состояние здоровья, епископ Дамаскин много разъезжает по стране, особенно по Украине, посещая единомышленные приходы и общины. Часто бывает в Киеве, тайно посещает Чернигов, Харьков, совершает тайные постриги (Шумило В. 2001, 21-22; Косик, „Архиерейское служение...“, 180). Не имея возможности поселиться в Киеве и Чернигове, он поселяется в Нежине на квартире В.П. Ващенко.

в Харбине в 1938 г. См. также: Шумило В. 2008, 44-60.

³⁶ Цитированное выше письмо епископа Дамаскина архиепископу Серафиму (Самойловичу).

Конечно, его деятельность не могла остаться незамеченной органами НКВД. 1 августа 1934 г. в Нежине епископ Дамаскин был арестован по обвинению в организации ИПЦ, его поместили в следственный изолятор Чернигова. На допросе владыка подтвердил, что не признает митрополита Сергия «законным предстоятелем Церкви». В 1935 г. он был выслан в Северный край, но и в ссылке не прекратил своей активной деятельности по организации Истинно-Православной Церкви. По просьбе архиепископа Серафима (Самойловича) он взял под свое окормление общины ИПЦ в Вятской епархии, организовал в непроходимых вятских лесах тайный монастырь. Сохранились фотографии вырытых в земле «схронов», служивших келиями для катакомбных монахов (См.: *Новомученики, исповедники...*). Этот монастырь был раскрыт чекистами, – все монахи расстреляны.

Ближайшим помощником епископа Дамаскина в этот период его служения был священник Измаил Рождественский (См. о нем: *Новомученики, исповедники...*), священноисповедник, старший брат известного катакомбного священника Михаила Рождественского, окормлявшего катакомбную паству в СССР вплоть до своей смерти в Ленинграде в 1988 г. (Шкаровский 2009, 283-307). Из Чернигова в добровольную ссылку приехал следом за владыкой священник Иоанн Смоличев, один из авторитетнейших пастырей Черниговской епархии, духовный сын владыки и его преданный единомышленник.

В марте 1936 г. владыка вновь был арестован и 27 октября «тройкой» УНКВД Кировского края осужден к 5 годам лагерей по статье 58-10.

В эти же 1936-1937 гг. на черниговское духовенство, не помнящее митрополита Сергия, с новой силой обрушились гонения. В июле 1936 г. в Чернигове были арестованы все истинно-православные священники и начат крупный судебный процесс. Их обвинили в «формировании контрреволюционной церковной

группировки» и попытке внушения населению антисоветских взглядов. Главным обвинением было: «принадлежность к ИПЦ». Уцелели и дожили до начала Второй мировой войны лишь те, кто «ушел в катакомбы» (Шумило В. 2001, 23-25).

4 ноября 1936 г. епископ Дамаскин был отправлен в Карлаг, через год к нему присоединился отец Иоанн Смоличев, арестованный 10 октября 1937 г. (*Новомученики, исповедники...*). Невзирая на опасность расстрела в случае, если об этом станет известно лагерному начальству, «им удавалось вместе молиться и совершать богослужения» (Косик, „Архиерейское служение...“, 201).

К епископу Дамаскину приходило много людей, особенно в церковные праздники. Физически больной, полный инвалид, владыка Дамаскин даже в страшных условиях Карагандинского концентрационного лагеря нес крест пастырского служения. Он оставался верен заветам своего учителя, митрополита Антония (Храповицкого). Учение митрополита Антония о сострадательной любви владыка Дамаскин исполнил собственной жизнью: до конца своих дней укреплял он сомневающихся, утешал страждущих, питал духовно голодных.

В 1937 г. НКВД приступило к решительному наступлению на ИПЦ, началось физическое уничтожение лидеров Истинно-Православной Церкви, – тех, кто не успел уйти в подполье. 13 августа уже в лагере был арестован епископ Дамаскин; повод – молился на Пасху вместе с заключенными. Это означало, что епископ «проводил религиозную идею среди з/к» (Косик, „Архиерейское служение...“, 202). Поставили в вину даже то, что владыка, не таясь, благословлял своего духовного сына, священника Иоанна Смоличева.

Это был последний арест владыки. 10 сентября 1937 г. «тройкой» НКВД он был приговорен к расстрелу, 15 сентября приговор приведен в исполнение (Косик, „Архиерейское служение...“, 205).

Когда в лагере спрашивали владыку, «сколько вы находитесь в заключении», он всегда отшучивался: «Сколько советская власть,

столько я в заключении». В этой шутке была лишь доля шутки: если сложить вместе все месяцы и годы его тюремных заключений, то окажется, что большую часть своей жизни он провел в тюрьмах, ссылках и лагерях. Воистину, советская власть уничтожала лучших представителей народа, именем которого она вознамерилась построить «рай на земле».

В Катакомбной Церкви сохранилось предание, что в действительности владыка не был расстрелян, а умер за несколько дней до расстрела: «пуля безбожников не коснулась верного пастыря Церкви Христовой». А было так: в Сибири, глубокой осенью, вместе с другими ссыльными святитель ожидал паром, который должен был доставить их к окончательному месту заточения. К их группе присоединили еще одного священника. Он совсем был раздет, в одном только легком летнем подряснике и замерзал от холода. Со словами «у кого две одежды, отдай неимущему», святитель снял с себя рясу и отдал замерзавшему. Подорванное здоровье владыки не выдержало стужи, и на пароме, который уже плыл по реке, святитель тяжело заболел и вскоре умер (Шумило В. 2001, 23).

Предание это запечатлено даже в литургической жизни Церкви. В службе Собору Новомучеников и Исповедников Российских, составленной в Русской Зарубежной Церкви, в тропаре 5-й песни канона поется: «Дамаскиново житіе да умилить вся чтущія: како бе и на островехъ Соловецкихъ, и въ Казахстане и во стране Сибирстей, восходя къ Голгофе своей. Како мразомъ сибирскимъ томимъ, при брезе реки неимущему іерею верхнюю рясу свою отдаде. Самъ же въ стуже зимней на плоту Богу духъ предаде, единъ отъ техъ, ихъ же міръ недостоинъ бе» (*Служба святым Царю Мученику Николаю...*, 14).

Зная характер владыки Дамаскина, можно предположить, что это событие (история с рясой) действительно случилось в его жизни.

Сохранилась другая версия кончины епископа Дамаскина, ее рассказал киевский катакомбный священник Андрей Бойчук. Он

сумел бежать из ссылки и тайно священствовал, дожив до начала советско-германской войны. Его расстреляли в Белой Церкви в 1941 г. Отец Андрей рассказал, что епископа Дамаскина «заключили в одну из сибирских тюрем. Из общей камеры перевели в штрафную одиночку – без окон, без освещения. На полу этой камеры – замерзшая вода, стены покрыты инеем. Очевидно, епископа Дамаскина посадили в нее в “наказание”. За что? За молитву? За проповедь? За неосторожное слово против мучителей? В этом холоде и мраке, может быть даже без пищи, продержали епископа Дамаскина, пока он не получил отморожение ног третьей степени и не началась гангрена... Трудно представить без ужаса эти страшные дни Гефсиманского томления епископа Дамаскина. В тюремном лазарете епископ Дамаскин скончался от общей гангрены на почве отморожения ног» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 95). Эта история очень похожа на правду. Похожую историю рассказывал о себе автору этих строк епископ Лазарь (Журбенко) в 1991 г., только его, еще юношу, посадили в такой же лагерный карцер на трое суток в 1953 г.

Возможно, владыка Дамаскин действительно умер за несколько дней до расстрела, а в памяти людей эти два события слились в одно. А возможно, что его, больного, умирающего, расстреляли, не дождавшись его кончины.

Как бы то ни было, но оба предания свидетельствуют о том, что в народе хранилось очень светлое представление о епископе Дамаскине, которое и породило эти легенды о его чудесном представлении.

Своею смертью епископ Дамаскин как бы открыл список расстрелянных святителей Истинно-Православной Церкви: 10 октября 1937 г. был расстрелян первоиерарх Русской Церкви митрополит Крутицкий Петр. 20 ноября расстреляны митрополиты Кирилл Казанский и Иосиф Петроградский. В последние месяцы перед смертью их поместили в одну камеру, что сейчас можно

расценивать как символ единства Катакомбной Церкви. Расстреляны они были тоже вместе, в один день и в одну минуту. «После тысячелетней истории, Русская Православная Церковь оказалась отброшенной к временам до Константина Великого – к временам катакомб» (Е.Л. [Лопушанская] 1971, 96).

Казалось, что зло торжествовало – впереди были еще долгие годы советского безбожия.

Но одержать духовную победу над Церковью, уничтожить ее не удалось: «Катакомбная или подпольная Церковь возникла в конце 20-х годов. То один, то другой священник исчезал из своего прихода, поселялся в тайном месте и начинал опасную жизнь изгнанников. В скособоченных домишках на городских окраинах возникали тайные молельни. Там служили литургии, исповедовали, причащали, крестили, венчали и даже рукополагали новых священников. Тайком, передавая друг другу условный стук в дверь, стекались туда верующие из дальних городов и областей. Туда шли за утешением, беседой, за “радостью богослужения”. Туда несли детей, вели стариков.

Сколько таких очагов тайной веры существовало в стране, никто не знает» (Поповский 1979, 355).

Священномученик Дамаскин был прославлен во святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Заграницей в 1981 г. Почти через двадцать лет, в 2000 г. он был причислен к лику святых на Юбилейном Архиерейском Соборе Московской Патриархии (*Юбилейный Архиерейский Собор...*, 287)³⁷.

Богословские идеи епископа Глуховского и Нежинского Дамаскина, содержащиеся в его многочисленных письмах

³⁷ В «Деянии [...] о соборном прославлении новомучеников и исповедников Российских XX века» титул епископа Дамаскина ошибочно указан как «епископ Стародубский». В действительности он был епископ Глуховский, документы подписывал как «Епископ Глуховский и Нежинский». См.: ЦГАООУ, Ф. 263, оп. 1, д. 33122, л. 120-г.

и посланиях к собратьям-архипастырям, к духовенству и пастве, еще предстоит собрать воедино для глубокого и всестороннего изучения и осмысления, но и сейчас уже ясно, что святитель Дамаскин был не только мученик, но и выдающийся учитель Церкви. Его слово, произнесенное из глубины верующего и любящего сердца, нравственная правда, истинность которой он доказал своей мученической смертью, всегда будут укреплять христиан в правильности и верности Евангельского пути.

Литература

- Андреев, Иван Михайлович. 1947. *Заметки о Катакомбной Церкви в СССР*. Джорданвилл/Нью-Йорк: Типография преподобного Иова Почаевского, Свято-Троицкий монастырь.
- Григорий (Граббе) епископ. 1991. *Русская Церковь перед лицом господствующего зла*, Джорданвилл/Нью-Йорк: Типография преподобного Иова Почаевского, Свято-Троицкий монастырь.
- Губонин, Михаил Ефимович, сост. 1994. *Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей церковной власти: 1917 – 1943*. Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института.
- Дамаскин (Христенсен) иеромон. 1994. „Надежда.” *Русский паломник* 9: 69-72. Chico (California): Издание Валаамского общества Америки.
- „Декларация митрополита Сергия о признании им советской власти.” 1990. В *Пред судом Божиим*. Составление и предисловие Митрополит Виталий (Устинов). Монреаль: Русская Православная Зарубежная Церковь и Московская Патриархия.
- Е.Л. [Лопушанская Елена Николаевна]. 1950. „Светлой памяти епископа Дамаскина и Киевского духовенства.” *Церковная*

жизнь 9-10 (Сентябрь-Октябрь): 40-62. Мюнхен.

Е.Л. [Лопушанская Елена Николаевна]. 1952. „Епископы-исповедники и патриарх Сергей: Послания Глуховского епископа Дамаскина.” *W Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата* 1 (34): 5-13. Париж

Е.Л. [Лопушанская Елена Николаевна]. 1971. *Епископы исповедники.* Сан-Франциско.

„Житие и страдания новосвященномученика епископа Дамаскина Глуховского (по книге протопресвитера Михаила Польского «Новые Мученики Российские» и по иным малым свидетельствам).” 1991а. *Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей* 4: 7-10. Мюнхен.

„Житие и страдания новосвященномученика епископа Дамаскина Глуховского (по книге протопресвитера Михаила Польского «Новые Мученики Российские» и по иным малым свидетельствам).” 1991б. *Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей* 5: 6-9. Мюнхен.

Журавский, Александр. 2004. *Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского.* Москва: Издание Сретенского монастыря.

Иоанн (Снычев) митроп. 1995. *Стояние в вере: Очерки церковной смуты.* Санкт-Петербург: Царское дело.

Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. 1893. Москва: Синодальная типография.

Концевич, Елена. 1976. *Схиигумения София, Настоятельница Покровского монастыря в Киеве: 1873 – 1941.* Форествилль/ Калифорния: Свято-Ильинское издание.

Косик, Ольга В. 2009. *Истинный воин Христов: Книга о священномученике епископе Дамаскине (Цедрике),* Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

- Косик, Ольга В. „Архиерейское служение Священномученика Дамаскина (Цедрика) в Черниговской Епархии (1923 – 1925).” *Церковные ведомости*. Дата доступа: 2012.04.20. www.catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=1160.
- Мазырин, Александр иерей. 2006. *Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах*. Москва: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
- Молчанов, Борис протоиерей. 1992. „Эпоха апостасии.” *Вера и Жизнь* 1: 4-27. Чернигов.
- Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.* Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет. База данных: Новомученики. Доступ: 2012.04.20. http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor.
- Польский, Михаил протоиерей. 1957. *Новые мученики Российские*. Т. 2. Джорданвилл/Нью-Йорк: Типография преподобного Иова Почаевского, Свято-Троицкий монастырь.
- Поповский, Марк. 1979. *Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга*. Париж: YMCA-PRESS.
- Проценко, Павел Григорьевич. 1999. *В небесный Иерусалим: История одного побега. Биография епископа Варнавы (Беляева)*. Н. Новгород: Издательство Братства во имя Св. Князя Александра Невского.
- Регельсон, Лев. 1977. *Трагедия Русской Церкви*. Париж: YMCA-PRESS.
- Ростов, Алексей. 1979. „Встречи с будущими мучениками и исповедниками.” *Русское возрождение* 7-8: 64-70. Париж/Москва/Нью-Йорк.
- Сикорская, Лидия. 2008. *Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и документы*. Москва: Братонез.
- Служба святым Царю Мученику Николаю и всем Новомученикам*

- и Исповедникам Российским*. 1992. Вильмуассон (Франция): Издательство Храма святых Царя Мученика Николая и всех Новомучеников Российских.
- Тригуб, Александр Петрович. 2009. *Розгром української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922 – 1939 рр.): Монографія*. Миколаїв: Іліон.
- Шкаровский, Михаил Витальевич. 1999. *Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви*. Санкт-Петербург: НИЦ «Мемориал».
- Шкаровский, Михаил Витальевич. 2000. *Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах*. Москва: Крутицкое патриаршее подворье.
- Шкаровский, Михаил Витальевич. 2009. „Священники Измаил и Михаил Рождественские.” В *Судьбы иосифлянских пастырей: Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы*, 283-307. Санкт-Петербург: Сатисъ – Держава.
- Шкаровский, Михаил Витальевич. 2011. „Иосифлянское движение в Киеве в первой половине 1930-х гг.: священник Димитрий Шпаковский и епископ Дамаскин (Цедрик).” *Труди Київської духовної академії* 14: 204-222.
- Шумило, Виталий Викторович. 2001. *Схиархимандрит Лаврентий и его время. Очерк церковной истории Черниговщины (1868 – 1950 гг.)*. Чернигов: Вера и Жизнь.
- Шумило, Виталий Викторович. 2008. „Почему необходимо покаяние в грехе сергианства.” *Вера и Жизнь* 1 (12): 44-60. Чернигов.
- Шумило, Виталий Викторович. 2015. „Жизнь и служение Церкви священномученика епископа Дамаскина (Цедрика) до его хиротонии в 1923 году.” *Rocznik Teologiczny* 57/1: 5-26.
- Шумило, Сергей Викторович. 1997. „Умереть за Христа. Новомученики земли Черниговской.” *Троїцький вісник* 1-2 (32-33

- Січень-лютий): 3-4. Видання Чернігівської єпархії УПЦ.
*Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви
(храм Христа Спасителя, 13-16 августа 2000 г.): Матери-
алы.* 2001. Москва: Издательство Московской Патриархии.

Andreyev, Ivan. 1982. *Russia's catacomb saints*, Platina California: Saint Herman of Alaska press.